

ЮЛИЯ КАТКОВА

АБОНЕНТ НЕДОСТУПЕН

СЛОВО ИМЕЕТ ВЕС • МОЛЧАНИЕ ДАЁТ ШАНС • ВЫБОР МЕНЯЕТ МИР

Юлия Каткова

Абонент недоступен

<https://litres.ru/74348089>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Абонент недоступен» — славянское фэнтези о силе слова.

Алёна Войнова — блогер, для которой речь — главное оружие. Одно интервью грозит разрушить всё, и Алёна бежит из Москвы в родной дом у Волги. Там она попадает в Изнанку — мир, где любая фраза становится клятвой, а неосторожные слова могут стоить свободы.

Чтобы выжить, Алёне нужно заново научиться говорить. Ей помогают Радомир — страж границы миров — и Игнат, немой проводник: он знает правила Изнанки, но не может их произнести. Против них — Владычица Уст, одержимая властью над словом.

Алёне предстоит тяжёлый выбор: подчиниться чужой власти и обрести мнимую безопасность или рискнуть всем, чтобы вернуть право осознанно распоряжаться своей речью. На этом пути ей придётся встретиться лицом к лицу с собственной ложью, на которой строился её успех.

История показывает, какой ценой даются слова, как непросто признавать ошибки и почему иногда самое сильное высказывание — молчание.

Содержание

Предисловие.	4
Глава 1. Длинный язык.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юлия Каткова

Абонент недоступен

Предисловие.

Старый покосившийся дом стоял у самого берега Волги. Девочка лет семи играла с местными ребятишками в салочки, а отец наблюдал за этой безмятежной картиной. Дождливые тучи прошли стороной, река была покойная, слышался детский смех, скрип качели и разговоры местных женщин про то, что Нинка выходит замуж.

Нинка была видной девушкой, и такая скорая свадьба стала для всех поводом для сплетен. Ее мужем стал местный рабочий на ферме Ванька, он был человеком не глупым, даже, можно сказать, умным. Учился на ветеринара в Академии, знал немецкий язык, мог спокойно разговаривать на светские темы, но по какому-то непонятному стечению обстоятельств убирал коровники. Денег это приносило немного, все надеялись, что жена его «приведет в чувства».

— *Этот* вот Ванька-то жену нашел! – говорили местные бабушки, – может, в голове-то поменяется что.

Действительно, Ванька с Нинкой жили сначала, как обычно привыкли, в своем темпе, но денег на семью стало не хватать. Вскоре жена рассказала о своем положении, мол надо менять работу. Он тогда долго не спал ночами, думал, как же быть, куда пойти. И вдруг его будто озарило, он ведь может не просто убирать коровники, но и помогать животным.

Он пошел к главному ветеринару района, честно рассказал, что учился, что помнит, что хочет работать по делу. Тот посмотрел на него внимательно, будто сквозь годы суеты и тяжёлой работы разглядел того самого студента, каким Ванька когда-то был, и дал ему шанс — сначала помощником, потом доверил несложные осмотры. Ванька хватался за каждую возможность, не боялся ни грязи, ни бессонных ночей,

если надо было выхаживать больного телёнка. Постепенно к нему стали прислушиваться, звать на сложные случаи, а через пару лет он уже сам принимал решения, от которых зависела жизнь животных.

Время шло, Нина родила здоровую девочку, которую решили назвать Аленой. Она постепенно росла, родители не могли нарадоваться, когда слышали первые слова. Сначала это был обычный детский лепет – бессвязные слоги, из которых родители угадывали, в каком настроении Аленушка сейчас. Затем начали выстраиваться двусложные слова: «Ма-ма», «Ба-ба», «Па-па».

Ванька каждый раз замирал, будто боялся спугнуть это чудо: стоит, улыбается во весь рот, а в глазах — такая нежность, что у Нины сердце сжималось от счастья. Он часами мог сидеть рядом с Алёной, терпеливо повторять за ней её же звуки, будто в этом лепете был какойто особенный, только им двоим понятный язык.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы, и Алёна всё больше открывала мир. Ей нравилось повторять всё подряд: как кошка мяукает, как скрипит старая калитка, как шумит Волга во время ветра. Иногда она придумывала свои собственные слова — и они почемуто сразу приживались в доме. «Бубу» означало и хлеб, и булку, и вообще всё, что можно съесть, а «тютю» — и поезд, и машину, и даже гудящий самовар. Даже для кошки или кота было свое название «конь» (потом папа будет долго напоминать Алене об этом).

Родители смеялись, но запоминали все больше и больше новых слов для себя.

Дом у Волги жил своим чередом: река катила волны, деревья то сбрасывали листву, то на них снова появлялись почки, а Алена все училась говорить, строить первые предложения, а потом и целые фразы, даже рассказы.

— Пап, а ты знал, что этот мальчик мне нравится, его любимый цвет зеленый, а у меня тоже любимый цвет зеленый. А я вчера на дерево залезла вместе с ним. Знал, что на деревьях неудобно сидеть? — все эти рассказы обычно слушал папа, мама была обычно «очень занята». Да и к папе девочка тянулась почему-то больше.

Со временем Ванька устроился в ветклинику — там его знания и чуткость к животным ценили и коллеги, и местные жители. Он лечил животных, выхаживал брошенных щенков и котят, и в этом нашёл своё тихое, но твёрдое счастье. А Алёна росла, бегала по берегу, собирала камешки и всё так же любила рассказывать истории. Теперь её слушали не только родители, но и деревенские ребятишки, и даже взрослые иногда останавливались, чтобы послушать, как эта бойкая девчушка с горящими глазами снова и снова открывает для себя этот мир.

Счастливые детские годы, игры со сверстниками в «Казаки-разбойники», «Жмурки», «Резиночки», «Классики» незаметно для родителей и самой Алены перетекли в школьные годы. Хоть девочка и была любознательной, умела гово-

ритель и придумывать, школьная рутина давалась ей с трудом. Училась она плохо: с двойки на тройку. Учителя вздыхали, родители пожимали плечами, а она всё искала свой путь. В итоге поступила в местный техникум на учителя начальных классов — казалось, судьба замыкает круг, и Алёна пойдёт по той дороге, которую для неё рисовали взрослые.

Но хватило ее ровно на год, потому что за это время она успела завести страничку в соцсетях, начала выкладывать свои истории — про родной посёлок, про Волгу, про старый дом у берега, про то, как пахнет дождь и как поют птицы на рассвете. И однажды утром она увидела заветную цифру — первая тысяча подписчиков. Люди писали, что её слова согревают, что в них есть что-то настоящее, чего так не хватает в суете больших городов.

Алена, когда это увидела, первым делом пошла к папе на работу с мыслью: «Он обрадуется, это же была ее мечта!» Но папа не разделил радости, мама тоже была не в восторге.

— Нинок, ты слышала? У нее первая тысяча... - насмехаясь произнес по телефону папа, - Да, да! Она теперь «блогер» у нас. Да, все старания коту под хвост бросила.

Глава 1. Длинный язык.

Студийные огни слепили, звук в студии был еще не настроен. Алена сидела перед своим отражением в гримерной и вспоминала детские годы, прокручивала в голове, что стоит не говорить, а на что сделать акцент. Историю из детства она решила придумать, так как после переезда в Москву так и не поговорила с родителями. Они ей несколько раз пытались дозвониться, но обида была сильнее. Пару гудков и все.

«Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети...» - это фраза всегда была по самому больному.

Стилист по волосам, молодая девушка, имени которой Алена не запомнила, была на взводе из-за того, что прическа никак не получалась. Все в студии бегали, а Алене просто надо было сидеть с невозмутимым лицом, даже плакать нельзя было, ведь макияж уже готов.

— До начала 15 минут! — кричал ведущий.

Алёна глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь в пальцах. В голове мелькали обрывки воспоминаний: покосившийся дом у Волги, скрип качели, смех ребятни, разговоры местных женщин... А потом — холодные слова родителей, насмешливый голос отца: «Теперь *блогеру* нас... Все старания коту под хвост бросила».

Она сжала кулаки под столом, пряча их от чужих глаз. «Не сейчас, — твердила она себе. — Не здесь. Ты должна быть

сильной».

В гримёрку заглянула ассистентка с папкой в руках.

— Алёна, вот текст с основными вопросами. Ведущий будет мягко подводить к темам, но пару моментов лучше раскрыть самой. Особенно про переезд и первые месяцы в Москве — зрителям это близко.

Алёна кивнула, не решаясь взять папку. Слова расплывались перед глазами.

— И ещё, — тихо добавила ассистентка, чуть понизив голос, — родители звонили организаторам. Просили передать, что хотят просто услышать твой голос. Даже минуту.

Сердце Алёны ёкнуло. Она на секунду прикрыла глаза, будто это могло спрятать нахлынувшие чувства.

— Спасибо, — прошептала она, наконец беря папку. Пальцы дрожали, но голос прозвучал твёрже, чем она ожидала: — Я готова. Почти.

Ассистентка улыбнулась и вышла, оставив её наедине с отражением. Алёна посмотрела на себя — на безупречный макияж, на сложную причёску, на глаза, в которых всё равно читалась усталость.

«Ты можешь это сделать, — повторила она про себя. — Ты столько работала, чтобы оказаться здесь. Не ради них. Ради себя».

Гдето за кулисами снова раздался голос ведущего:

— Десять минут!

Алёна медленно встала, расправила плечи и подошла к

двери. За ней шумела студия, светились экраны, гудел микрофон. И где-то там, за пределами этого яркого, суебливого мира, ждали её непрощённые слова и несказанные «прости».

Но сейчас был её выход. Сейчас она должна была стать той Алёной, которую хотела видеть публика: уверенной, живой, настоящей — пусть даже эта «настоящность» была аккуратно выстроена из придуманных историй и спрятанных обид.

Она сделала шаг вперёд.

— Я готова, — сказала она вслух, будто проверяя, как звучит эта фраза. И, чуть улыбнувшись своему отражению в стеклянной перегородке, пошла навстречу огням и шуму.

Сидеть ровно было тяжело, Алёна все время ерзала на стуле. До начала - раз, два, три...

В ушах звенело от суеты: кто-то кричал про уровень звука, кто-то спорил изза ракурса камеры, стилист всё ещё что-то подправляла в причёске, дёргая прядь то туда, то сюда.

— Замри хоть на минуту! — не выдержала девушка, в голосе — нервная дрожь.

Алёна стиснула пальцы в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Это помогало не ёрзать. Помогало не сорваться.

«Пять минут, — мелькнуло в голове. — Пять минут — и ты на экране. Пять минут — и всё, назад дороги нет».

Она снова вспомнила тот самый автоответчик: *«Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети...»*. Сколько раз она нажимала «отклонить», сколько раз заставляла себя не смотреть на экран, когда высвечивалось простое

и такое до боли родное слово «Мама».

«Они не поймут, — думала она. — Они до сих пор видят во мне ту девочку, которая должна была пойти в техникум, стать учителем, жить как положено».

А она хотела другого. Хотела быть услышанной. Хотела, чтобы её история — пусть даже собранная из обрывков и слегка подкрашенная для камеры — задела кого-то за живое. Она решила не рассказывать всю правду, лишь то, что было выгодно.

Ведущий пробежал мимо, крикнув на ходу:

— До начала три минуты! Не сдерживай эмоции, зрители любят натуральность.

Все внутри снова сжалось, захотелось убежать из этого здания. Она давала интервью другим каналам, но именно это было про нее. Медвежья болезнь не покидала, снова началось бурление в животе.

Стилист наконец отступил и на выдохе сказала:

— Все, готово! Я просто лучшая.

На секунду в этом хаосе наступила тишина. Гдето щёлкнули переключатели, загорелся красный огонёк на камере.

Голос ведущего, уже в эфире, прозвучал чётко и уверенно:

— И мы начинаем!

Алёна подняла голову, посмотрела прямо в объектив — и улыбнулась. Не идеально, не отрепетировано, а так, как улыбаются, когда делают шаг в неизвестность.

Рассказ про детство получился заученным — слова будто

сами слетали с языка, заранее отрепетированные, гладкие, без шероховатостей. И оттого — пустые. Алёна чувствовала это по тому, как ведущий чуть наклонил голову, будто пытался разглядеть за этой гладкостью что-то настоящее.

А потом пошли вопросы про Москву. Про жизнь с нуля. И тут Алёна, сама не зная почему, вдруг перестала прятаться за заготовленными фразами.

— Первые месяцы я жила в комнате в коммуналке на окраине, — сказала она, и голос чуть дрогнул, но она не стала его выравнивать. — Потом переехала в квартиру, где в одной комнате жили ещё трое. Потом была ещё одна квартира — уже чуть лучше, но всё равно временная. И ещё одна... Я сменила столько мест, что уже сбилась со счёта.

Она не хотела вдаваться в детали, не хотела рассказывать про бессонные ночи, про страх, что завтра нечем будет платить за угол, про стыд, когда приходилось объяснять хозяйке, что «вот-вот заплачу». Но слова будто прорвались наружу, и остановить их было невозможно.

Ведущий слушал, кивал, иногда вставлял короткие реплики, чтобы поддержать поток. А Алёна говорила и говорила, и с каждым словом чувствовала, как внутри что-то разжимается.

Потом на эмоциях, что ее слушают, ей восхищаются, начала красочно врать. Говорила про свой «настоящий» заработок, про то, что к двадцати годам уже имеет свою недвижимость и машину за кругленькую сумму.

— И знаешь, что самое смешное? — она даже рассмеялась, будто вспоминая забавную деталь. — В первые месяцы я думала, что если куплю себе кофе в той самой кофейне у метро, то стану чуть ближе к «настоящей» московской жизни. А сейчас... Сейчас у меня уже своя недвижимость. Не дворец, конечно, но своя. И машина — не буду врать, стоила кругленькую сумму. Но я сама. Всё сама.

Слова лились легко, будто она и правда верила в них прямо сейчас. Будто если сказать это вслух, уверенно, глядя в камеру, они станут правдой.

Ведущий приподнял бровь, но не остановил, не усомнился вслух — только чуть наклонил голову и мягко подтолкнул:

— Это впечатляет. В двадцать лет иметь такое... Не каждый взрослый может похвастаться. Расскажи чуть подробнее — как ты к этому пришла?

И Алёна, уже разогнавшись, продолжила. Она рассказывала про «сделки», про «инвестиции», про то, как умело распределяла бюджет, будто всё это было не выдумкой, а настоящей историей успеха. Чем дальше она говорила, тем увереннее звучал голос, тем прямее становилась спина.

А где-то в глубине сознания тихий голос шептал: «Остановись. Это неправда. Ты сейчас всё испортишь». Но она заглушала его другим голосом — тем, который кричал: «Пусть хоть пять минут они видят меня такой — сильной, успешной, ни от кого не зависящей».

Когда интервью закончилось, ведущий снял наушники,

улыбнулся и хлопнул её по плечу:

— Ты молодец. Получилось живо. Зритель это почувствует.

Алёна улыбнулась в ответ, но улыбка вышла натянутой. Внутри уже шевелился холодок — предчувствие того, что сейчас, пока она ещё сидит в студии, всё кажется допустимым, а вот потом... потом эта красивая ложь начнёт жить своей жизнью.

Она быстро собрала вещи, почти выбежала из студии, вдохнула прохладный вечерний воздух и остановилась, прислонившись к стене здания. Сердце колотилось так, будто она только что пробежала несколько километров.

Телефон в руках завибрировал. Очередной звонок от родителей, Алёна долго смотрела на экран, не решаясь ответить.

В чате с веселым названием «Вечерний Шерлок» она увидела сообщение от своих подруг: «Как прошло интервью?» Алёна быстро набрала ответ: «Хорошо, но я столько наговорила лишнего!»

Через несколько дней интервью увидело полиинтернета — и понеслось: сотни комментариев, лайков, дизлайков, репостов. Ролик мелькал в рекомендациях, его скидывали в чаты, обсуждали в сторис, разбирали на мемы.

Сначала Алёна ловила каждое уведомление, жадно щёлкала по ссылкам, читала, как её называют «вдохновляющей», «настоящей», «смелой». Эти слова грели, будто чашка горя-

чего чая в промозглый день. Она даже поймала себя на мысли, что, может, всё не так уж и плохо — пусть и с выдумками, но она смогла зацепить людей.

А потом начались настоящие проблемы. Алёна как раз сидела над черновиком колонки — пыталась подобрать слова, чтобы не звучать ни как жертва, ни как обманщица, а просто как человек, который запутался. Пальцы скользили по клавиатуре, стирались целые абзацы, писались заново. Телефон лежал экраном вниз, будто так он меньше кричал о себе.

И тут раздался звонок. Не из мессенджера, не уведомление — настоящий звонок, с незнакомого номера. Алёна поколебалась пару секунд и всё-таки взяла трубку.

— Алёна Войнова? — голос на том конце был спокойный, официальный. — Это из налоговой службы. У нас есть ряд вопросов по сведениям, которые распространяются в публичном пространстве. В частности, по объектам недвижимости и транспортным средствам. В наших реестрах по вам таких данных не числится. Хотелось бы прояснить ситуацию.

В груди всё будто оборвалось. Алёна сжала телефон так, что побелели костяшки пальцев.

— Я... я не понимаю, — пролепетала она, хотя прекрасно понимала. — Наверное, какая-то ошибка. Или... кто-то перепутал.

— Мы не обвиняем, мы уточняем, — так же ровно ответил голос. — Но публичные заявления, особенно с указанием сумм и о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.